

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР РАССКАЗА Л. БОРОДИНА «РАДИ ДЕТОК»

© **Сухих Ольга Станиславовна** (2020), SPIN-code: 7270-9237, orcid.org/0000-0002-1670-880X, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская федерация, 603600, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37), ruslitxx@list.ru

В статье рассматриваются наиболее значительные черты поэтики рассказа Л.И. Бородина «Ради деток», при этом используется метод целостного анализа литературного произведения. Целью работы является исследование проблематики рассказа и художественных средств во взаимосвязи. Автор статьи обращает внимание на особенности повествования в рассказе: в нём можно отметить три повествовательных инстанции. Это, во-первых, собственно автор произведения, который в предисловии к нему декларирует свой принцип – опору на воспоминания участников партизанского движения, стремление отразить ту сложную правду, которая исключает однозначность оценок. Во-вторых, это некая обобщённая фигура свидетеля событий – он передаёт фактическую сторону происшедшего. Наконец, в-третьих, это всеведущий автор, комментирующий чувства героя и передающий его размышления. Также в статье анализируются различные художественные уровни конфликта в рассказе. Столкновение военного плана, определяемое «линией фронта», становится в произведении фоном основных событий. Затрагивается писателем и конфликт между партизанским отрядом и местным населением. Ход сюжета в основном определяется столкновением двух героев-антиподов: Семёна Кускова и Матвея Чирова. Однако наиболее глубоким и значительным становится в рассказе внутренний конфликт – противоречие между чувством и долгом в душе главного персонажа, Семёна Кускова. Этот конфликт является трагическим по своей сути и определяет трагическую вину героя. В статье рассмотрена психологическая разработка данного конфликта, отмечена роль авторского комментария как приёма психологизма, наиболее адекватного ситуации. Авторская позиция по отношению к главному персонажу характеризуется как противоречивая, и это связано с тем, что в рассказе представлен трагический герой.

Ключевые слова: Л.И. Бородин, тема войны, семья, выбор, трагический конфликт, трагическая вина.

Рассказ Л. Бородина «Ради деток», относящийся к прозе ХХI века на военную тему, был опубликован в 2008 г. в журнале «Москва». Течение военной прозы являлось одним из основных во

второй половине XX столетия, когда Великая Отечественная война осмысливалась общественным сознанием как событие недавней истории, причём окружённое ореолом священного, высокого. С изменением на рубеже 1980–1990-х гг. отношения к войне и к победе над гитлеровской Германией начался кризис и распад этого масштабного идейно-тематического течения – на то были причины и литературного, и внелитературного плана [Сухих 2013].

Л.И. Бородин, родившийся в 1938 г., принадлежал к поколению «детей войны», для которых понятия патриотизма и подвига во имя родины имели большое значение. В то же время писатель всегда обладал независимостью мысли и не принимал официозного представления о войне – это выразилось в таких его произведениях, как «Встреча», «Ушёл отряд», «Ради деток». Л. Бородин выстраивал свою концепцию войны, исходя из приоритета общечеловеческих ценностей над социальными, из осмысления глубоко трагических противоречий, доходящих до безысходности. Картина войны в его произведениях оказалась непривычной для читателей, критиков, литературоведов. Суждения исследователей, приводимые ниже, были высказаны по поводу повести «Ушёл отряд», но, в принципе, их можно отнести и к рассказу «Ради деток», близкому к ней по концепции человека на войне, однако до сих пор не ставшему предметом подробного научного исследования. Повесть «Ушёл отряд» была оценена как выражение глубоких нравственно-философских размышлений, стремления «взглянуть на войну и человека на войне “неидеологическим” взглядом, увидеть человека в его экзистенциальной сущности» [Нестерова 2007]. Это произведение рассматривалось как «неофициальный взгляд на течение войны» [Бутакова 2012], как утверждение не идеологических позиций, а правды «просто хорошего человека», стремящегося отстоять жизнь даже на войне [Курбатов 2005]. Однако, например, В. Зубков в статье, посвящённой военной прозе, пишет, что повесть Л. Бородина не содержит «подлинного знания и переживания фронтовой действительности» [Зубков 2010, 25], что она сконструирована из политических споров и искусственно созданной интриги, поскольку автор хотя и талантлив, но не имеет военного опыта.

Писатель действительно не был участником войны, но за его произведениями стоят воспоминания бывших партизан, причём многих, поэтому оправданной выглядит установка на **реалистичность изображаемого**. Рассказу предпослано авторское предисловие,

правда, формально оно так не названо, это просто несколько строк, помещённых в начале текста, в них говорится об истоках творческого замысла. Л. Бородин какое-то время работал директором школы в деревне Серебрянка Лужского района Ленинградской области, где в период Великой Отечественной войны было развито партизанское движение. Он слышал от его участников множество рассказов, в которых картина войны представляла без хрестоматийного «глянца». По словам писателя, именно из этих воспоминаний «выросли» его повесть «Ушёл отряд» и рассказ «Ради деток», где автор представляет жизнь человека в военное время иначе, чем привык это видеть читатель XX века. По словам Л. Кориной, перед нами «другая война в новой военной прозе» [Корина 2016].

С опорой на воспоминания участников войны связан **стиль произведения**: в нём ведётся сказовое повествование от лица некоего свидетеля событий, хотя и непоименованного. Отсюда **речевые особенности**. Например, повествователь называет жену главного героя Семёна не Тамарой, а Тамаркой, как называл бы односельчанку, соседку; использует просторечную лексику, разговорные синтаксические конструкции: «Знать, подземные родники пробились...» [Бородин 2012, 264], «Со временем вернулись в деревни из лагерей мужики, что полицайствовали при немцах. Новоселы которые, они к тем мужикам с фыром...» [Бородин 2012, 264]. Такой стиль повествования отражает установку на реалистическую достоверность создаваемой картины, то есть служит решению той же творческой задачи, что и авторское предисловие.

Однако когда речь идёт о душевном состоянии героев, **повествователь-свидетель** незаметно сменяется **всеведущим автором**. Таков, например, фрагмент, в котором Семён боится, что немец застрелит его беременную жену Тамару, или эпизод, в котором Чиров угрожает взорвать гранату, а Семён вспоминает фашиста, когда-то целившегося в Тамару из своего вальтера: «Позорный страх сковал Семена. Смотрел на палец и видел тот, другой, так же согнутый на курке вальтера» [Бородин 2012, 285], или комментарий по поводу атеистической позиции Семёна: «Ни жизни, ни смерти Семен не боялся. Уверен был: радости и нерадости – все исключительно человеком творимо, и его собственная жизнь была ему примером» [Бородин 2012, 282].

Таким образом, в рассказе **три повествовательных инстанции**: во-первых, автор как реальный человек, слышавший от своих

знакомых рассказ о событиях, о чём и говорится в предисловии, во-вторых, повествователь – свидетель и современник событий, передающий фактическую сторону происходящего, в-третьих, всеведущий автор, раскрывающий психологическое состояние героев, мотивировки их поступков. Благодаря наличию двух первых повествовательных инстанций картина жизни оккупированной деревни обретает черты зарисовки с натуры, а кроме того, увеличивается и степень достоверности того, что передаётся третьей повествовательной инстанцией. Это особенно важно для художественного воплощения концепции трагического выбора человека на войне, поскольку данная проблема раскрыта не только за счёт сюжета, но и – в основном – за счёт психологического анализа, а это как раз материал, передаваемый от лица всеведущего автора.

В рассказе «Ради деток» основными являются **мотивы семьи и войны**. Они противостоят друг другу и пересекаются в изображении судьбы главного героя Семёна Кускова, образуя **трагическую коллизию**.

Тема войны в произведении Л. Бородина раскрывается на материале жизни оккупированной деревни и партизан. Автор осмысливает не только противостояние захватчиков и сопротивляющихся им защитников своей страны. В произведении существуют и другие уровни художественного осмысления конфликта. Прежде всего, непривычно для читателя столкновение интересов партизан и обычных жителей деревни.

Реалии партизанского движения получили осмысление уже в послевоенные годы, когда вышли книги С. Ковпака «От Путивля до Карпат» (1945 г.), Д. Медведева «Сильные духом» (1951 г.), П. Вершигоры «Люди с чистой совестью» (1946 г.). В каждой из названных книг автор репрезентирует собственный военный опыт, не умалчивая о самых трудных моментах, но акцентируя внимание на преодолении этих трудностей за счёт воли, внутренней силы и желания победить врага. В военной прозе 1960–1980-х гг. тема партизанского движения ассоциируется для читателя, прежде всего, с творчеством В. Быкова, который часто обращался к этому аспекту изображения Великой Отечественной войны. Это позволяло показать жизнь на войне, но не в регулярной армии, где больше регламентации и контроля. В повестях В. Быкова речь ведётся «об отдельно взятом человеке внутри войны» [Сенчин 2019], о том, что иногда ему приходится выбирать между жалостью к другому человеку и чисто военными

126

целями, защитой интересов своей социальной общности. Очень близок к такой позиции подход Л. Бородина к художественному осмыслению темы войны и, в частности, деятельности партизанских отрядов в повести «Ушёл отряд» и в рассказе «Ради деток».

Действие рассказа происходит на Смоленщине, в оккупированной германскими войсками деревне Сомово, рядом с которой находится лес, ставший укрытием для партизанского отряда. Партизанам необходимо снабжение продовольствием, и обязанность поставлять продукты по всей логике сложившихся обстоятельств ложится на окрестных крестьян, хотя для них это опасно. Проблему подобного рода осмысливал Л. Бородин и в повести «Ушёл отряд», где речь шла о том, что активные действия партизан могут вызвать репрессии со стороны оккупантов в отношении мирного населения. Партизаны, стремясь нанести урон врагу, в то же время рискуют нанести урон и местным жителям.

В осмыслении **вопроса о цене победы** над врагом, о способности партизанских командиров жертвовать интересами, а иногда и жизнями тех, кто оказался на оккупированной территории, повесть и рассказ Л. Бородина близки к творчеству В. Быкова. Например, его повесть «Круглянский мост» в своё время вызвала у многих неприятие [Комягин 2016] именно тем, что в ней писатель, изображая партизан, обратил внимание не только на их героизм, но и на жестокость: Бритвин оказался способен на антимоラルный поступок ради выполнения задания. В результате в повести В. Быкова борьба с захватчиками отошла на второй план, а на первый выдвинулся вопрос о том, даёт ли война право пренебрегать судьбами отдельных людей.

В рассказе Л. Бородина, как и у В. Быкова, **конфликт военного характера**, то есть столкновение своих и врагов, безусловно, присутствует, поскольку речь идёт о военном времени, однако не является главным, он представляет собой лишь фон изображаемых событий. В то же время автор показывает и **конфликт между своими**: в рассказе говорится о том, как напряжённо складываются взаимоотношения партизан и местного населения.

Жители деревни оказываются между двух огней. С одной стороны, партизаны, если их оставить без продуктов, могут расценить это как предательство и расстрелять тех, кого сочтут виновными. С другой стороны, оккупанты, если узнают о помощи партизанам, могут казнить не только самого помощника, но и всю его семью: были тому примеры. «И немцев боялись, потому что лютовали без меры в

партизанских деревнях, выжигая до пепла, и советских боялись – слухи шли, что шерстят мужиков сурово...» [Бородин 2012, 267]. И в том, и в другом случае существует угроза, но всё-таки нужно выбирать, чью сторону принимать, и жители деревни предпочитают помогать своим, в частности, так поступает Семён Кусков. С одной стороны, он испугался, что партизаны расстреляют его как изменника, поскольку ему прямо угрожали, но, с другой стороны, он признал справедливость их требований: «Люди воюют, жизни отдают за Родину – а он кто при этом?» [Бородин 2012, 266]. Реальность подобной ситуации подтверждают архивные документы, по которым можно судить о том, какую помощь оказывали жители оккупированной Лужской области партизанским отрядам, несмотря на самые тяжёлые условия [Крипатова 2016]. Но документы не передают живых эмоций, сомнений и их преодоления, тогда как художественное произведение способно воссоздать всё это.

Ещё один вид конфликта, реализованный в рассказе Л. Бородина, – это столкновение межличностное, **противостояние характеров** – Семёна Кускова и Матвея Чирова. Этот конфликт определяет **систему образов**: в произведении две центральных фигуры, данных по принципу антитезы. Семён живёт простыми человеческими ценностями, смысл его существования – в семье, в детях, мотивы его действий ясны с самого начала, они способны вызвать понимание и даже сочувствие. Матвей же раскрывается не сразу, поскольку привык лицедействовать. Это своего рода наполеон местного масштаба – человек, стремящийся получить власть, возвыситься над окружающими, не случайно его ориентирами в жизни становятся Сталин и Гитлер. В них он видит воплощение власти и даже считает, что в их деятельности был некий высший промысел: заставить человека пережить страх и смирить гордость. Именно этого он хочет добиться от Семёна с помощью жестокого психологического эксперимента. Сначала Чиров наблюдает, как германский офицер заставляет Кускова выдать пароль партизан и подписать бумагу о сотрудничестве с немцами, угрожая ему убийством жены, а вместе с ней и не рождённого ещё ребёнка. Следующий виток их взаимоотношений тоже драматичен: Матвей специально рассказывает Семёну, что выдал партизан немцам, и с интересом ждёт, сбежит ли он, спасая собственную жизнь, или предупредит товарищей об опасности. Наконец, третий этап развития конфликта: вернувшись из заключения, Чиров стремится получить полную власть над Кусковым, шантажи-

руя его прошлым. Каждый раз Семён мучительно ищет путь к спасению, пытается не опуститься до предательства, до подчинения подлецу, но иного выхода, как пойти на компромисс с совестью, не находит, отчего страдает ещё сильнее.

Конфликт этих героев не только раскрывает две жизненные позиции, но и во многом **управляет развитием сюжета**. Независимо от него происходит, пожалуй, лишь завязка действия, в которой Семён, отвозящий партизанам продукты, попадает в плен к оккупантам. В дальнейшем же Чиров является тем человеком, который определяет чужую судьбу, его действия становятся пружиной развития событий.

Если на событийном уровне конфликт двух героев является основным, то на уровне духовно-психологическом на первый план выдвигается **внутренний конфликт** в душе главного героя – противоречие между любовью к семье и моральными принципами. В условиях обычной жизни эти два начала не противостоят друг другу, однако в условиях войны всё иначе. Национально-освободительная война, к тому же ведущаяся не на жизнь, а на смерть, требует от человека «переоценки ценностей»: то, что в мирной жизни дороже всего: семья, любовь, – зачастую должно отойти на второй план по сравнению с долгом, с общим, народным и государственным делом. Для главного героя рассказа Л. Бородина подобная ситуация становится поистине **трагической**. Как утверждал Гегель в «Эстетике», основной трагический конфликт, интересующий литературу ещё с античных времён, – это «противоречие между *государством*, нравственной жизнью в её духовной всеобщности и *семьей* как природной нравственностью» [Гегель 1971, 592]. В произведении Л. Бородина герой поставлен в самые жестокие условия: он должен или выдать оккупантам партизанский отряд, чтобы спасти свою беременную жену, или позволить немцу убить Тамару и ещё не рождённого ребёнка, чтобы не погубить партизан. В душе Семёна идёт противоборство двух начал, каждое из которых является частью его внутреннего мира, элементом его природы: это глубочайшая преданность семье, с одной стороны, и чувство долга перед теми, кто защищает родину, – с другой. «Семен отчетливо увидел, как согнулся палец немца на курке, и ничего уже кроме этого пальца не видел, представил... То, что представилось ему, было что-то вроде конца света, всего белого света, то есть мира человеческого, когда никому больше жить незачем и не надо, потому что смысла нет. Ствол пистолета

упирался не в белый живот жены, но во все человечество, и жизнь человечества теперь полностью зависела от Семёна Кускова» [Бородин 2012, 268]. Для героя смерть жены и нерожденного ребёнка – это катастрофа не просто личная, а вселенская, гибель двух дорогих ему людей сопоставима с концом света и уничтожением человечества, потому что жизнь женщины и ребёнка – это воплощение жизни как таковой, жизни вообще. Однако и предательства он не приемлет, чувствуя духовную связь с теми, кто воюет за свою землю, и осознавая долг перед ними. Не случайно герой ранее согласился снабжать партизан продовольствием не только из страха перед возможными обвинениями с их стороны, но и из чувства нравственной ответственности перед теми, кто делает общее дело. Не случайно он, оказавшись во власти фашистов, готов умереть, но не предать своих. Однако он сдаётся в ситуации, когда погибнуть может не он сам, а его семья.

Чтобы передать глубину переживаний героя, Л. Бородин использует **авторский комментарий**, и это, вероятнее всего, единственный адекватный в данном случае приём психологизма. Эмоцию можно показать и с помощью красноречивой внешней детали, но мысль героя, да ещё такую философски заострённую, как процитированная выше, необходимо убедительно развернуть. Не подходит для этого и внутренний монолог, поскольку речь идёт не о том типе героя, которому свойственно подобное самовыражение. Перед нами простой человек, не привыкший, да, пожалуй, и не способный к рефлексии, для него характерны простые переживания и мотивировки действий. Вряд ли он сам мог бы последовательно изложить свои мысли и эмоции в изображаемой ситуации, и тем более нельзя ожидать такого от повествователя–свидетеля событий, который и изъясняется в разговорном стиле, и не может быть посвящён во внутреннюю жизнь персонажа. Именно по таким причинам в этом случае мы видим **смену повествовательной инстанции**: это уже не свидетель событий, а всеведущий автор, который комментирует осмысление героем происходящего и тем самым объясняет его решение любой ценой спасти Тамару вместе с ребёнком.

Впоследствии уже Матвей Чиров ставит Семёна фактически перед таким же выбором. Последний может предупредить партизан о нападении немцев, что наверняка повлечёт за собой месть захватчиков – казнь всей семьи Кусковых, уже не говоря о том, что Семёну придётся объяснять, как он узнал о предстоящей катастрофе. С дру-

гой стороны, он может промолчать и сбежать – тогда семья, да и он сам будут выведены из-под удара, но погибнет партизанский отряд. Снова герой оказывается в безысходной ситуации, всю ночь он проводит в тяжёлых размышлениях, придя к командиру, но так и не решившись войти и поговорить с ним: «После всю жизнь ему будет сниться, как правило, под самое утро, вот это сидение на чурке перед командирской дверью...» [Бородин 2012, 269]. Ища компромиссное решение, он приходит к тому, что не говорит партизанам о надвигающейся опасности, но и не бежит из отряда, чтобы спастись самому, как поступает Чиров. Ради семьи Семён жертвует товарищами, но в то же время он готов пожертвовать и собой. Субъективно это отчасти снимает с него моральный груз, но объективно не решает проблемы: гибнет практически весь отряд.

Трагический конфликт закономерно приводит к **трагической вине**. Главный герой рассказа Л. Бородина преступает закон военного времени и моральную норму, но иначе человек с таким характером поступить не может. Кроме того, он сам страдает оттого, что «ради детишек совесть придушил» [Бородин 2012, 271], и признаёт, что заслуживает возмездия: «Если даже что самое худшее, всё равно правильно» [Бородин 2012, 270]. Л.И. Бородин выстраивает сюжет таким образом, что одно нарушение нравственного закона неизбежно приводит героя ко второму, а вместе они влекут за собой и третье – попытку убийства Чирова, угрожающего не только погубить Семёна, но и испортить жизнь его детям. Кроме того, ребёнок, которого отец пытался спасти ценой предательства, рождается мёртвым. Это **символический поворот сюжета**, подчёркивающий, что живое начало как будто не выдерживает антимо­рального поступка человека. Как не удаётся герою спасти ребёнка, так не удаётся ему и избавиться от врага: Чиров остаётся в живых, и их противостояние продолжается. Семён сам чувствует себя преступником, но в то же время не жалеет о своих решениях, поскольку они принимались ради семьи. **Авторскую позицию** тоже можно понять как **двойственную**: писатель не видит в предательстве спасения, но и не осуждает героя, поставившего семью выше всего остального. Такова специфика трагической ситуации и трагической вины: конфликт оказывается «позитивно неразрешимым» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2003, стб. 1087], а «трагические герои виновны и в то же время невиновны одновременно» [Гегель 1971, 578].

Итак, в рассказе Л. Бородин «Ради деток» чётко просматривается стремление автора к художественному осмыслению проблемы человека на войне через призму общечеловеческих ценностей и конфликтов, что ведёт к усилению трагического начала. Целостный анализ произведения, при котором «отдельные элементы связываются в единое художественное целое» [Лихачёв 1968], способствует пониманию того, как реализуется эта тенденция на различных уровнях текста, образующих художественное единство.

Источники

Бородин 2012 – Бородин Л. *Ради деток* // Бородин Л. Киднепинг по-советски и другие рассказы. М., 2012. С. 258–288.

Литература

Бутакова 2012 – Бутакова Ю. *Ушёл отряд Леонида Бородина*. URL: <https://www.proza.ru/2012/10/29/1285> (дата обращения: 28.02.2018).

Гегель 1971 – Гегель. Г.В.Ф. *Эстетика*: В 4 тт. Т. 3. М., 1971.

Зубков 2010 – Зубков В.А. «Откуда мы? Мы вышли из войны...» (*Настоящее и будущее прозы о Великой Отечественной войне*) // Филологический класс. 2010. № 23. С. 21–27.

Комягин 2016 – Комягин Ю. *Как на защиту Василя Быкова стали партизаны Ивьевщины* // Iyuenews. 27.09.2016. URL: <http://iyuenews.by/novosti/obshchestvo/item/424-kak-na-zashchitu-vasilya-bykova-stali-partizany-ivevshchiny.html> (дата обращения: 18.03.2020).

Корина 2016 – Корина Л. *Вспоминая Леонида Бородина*. URL: <https://www.proza.ru/2016/12/04/1259> (дата обращения: 08.03.2020).

Крипатова 2016 – Крипатова Ю. *Лужский район в годы оккупации* // Выборг. 06.04.2016. URL: <https://gazetavyborg.ru/news/luzhskiy-rayon--v-gody-okkupatsii/> (дата обращения: 13.03.2020).

Курбатов 2005 – Курбатов В. *Третья правда*. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/5/ku13.html> (дата обращения: 28.02.2018).

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М., 2003.

Лихачёв 1968 – Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. URL: http://www.psujour.narod.ru/lib/lih_inworld.htm (дата обращения: 15.03.2020).

Нестерова 2007 – Нестерова Л.А. *Нравственно-философские искания автора и героев в прозе Леонида Бородина*. Автореферат диссер-

тации ... кандидата филологических наук. Саратов, 2007. URL: <https://refdb.ru/look/3307188.html> (дата обращения: 15.03.2020).

Сенчин 2019 – Сенчин Р. *Человек внутри войны* // Известия iz.ru. 19.06.2019. URL: <https://iz.ru/889735/roman-senchin/chelovek-vnutri-voiny> (дата обращения: 09.03.2020).

Сухих 2013 – Сухих С.И. *Кризис основных литературных потоков в русской литературе 2-й половины 80–90-х гг. XX века* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 376–382.

ARTISTIC WORLD OF THE STORY BY L. BORODIN "FOR THE CAKE OF CHILDREN"

© **Sukhikh Olga Stanislavovna** (2020), SPIN-code: 7270-9237, orcid.org/0000-0002-1670-880X, Doctor of Philology, associate professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (37, Bolschaja Pokrovskaja street, Nizhny Novgorod, 603000, Russia), ruslitxx@list.ru

Understanding the rock culture, rock poetry in particular, is possible through mastering the category of absurdity, which is widely represented in rock and the nature of which includes, firstly, eclectic synthesis, paradoxically combined with destruction and deconstruction, and secondly, actualization of various forms of return (to oneself, to the origins, to the truth) through attention to the archaic and archetypal, and often chthonic subjects and images, as well as through various lexical experiments. The constant tendency of rock poets to erase clear boundaries between independent types of being and creation entails the creation of corresponding poems that express absurd types and absurd configurations of artistic reality. D. Ozersky's poetry, in turn, is characterized by the fluctuation of boundaries between music and text, intuitively comprehended and discursively designed, continuous and discrete, logically ordered and spontaneously conscious.

The article analyzes the verbal component of the rock cycle «There will be no winter» (2000) in terms of specific linguistic features and semantic content, considered in combination with metatextual elements such as interviews, documentary and video materials. The analyzed texts reveal an explication of several forms or methods of artistic embodiment of the metaphysical aspiration for ontological integrity. The most prominent of which are the aspects of the so-called "language speaks" phenomenon (M. Heidegger), when the meaning is generated by the combination of "acoustic image" and concept, and this meaning tends to some eternal, inexpressible bases. The article also describes the aesthetic consequences of the use of "excarnation" methods of words in the texts of D. Ozersky.

Keywords: D. Ozersky, M. Heidegger, "Zimy ne budet" ("There will be no Winter"), rock poetry, excarnation, absurdity, meaning.

References

(Articles from Scientific Journals)

Зубков 2010 – Zubkov V.A. «*Otkuda my? My vyshli iz voyny...*» (*Nastoyashcheye i budushcheye prozy o Velikoy Otechestvennoy voyne*) [“Where are we from? We got out of the war ... ”(Present and future of prose about the Great Patriotic War)] Filologicheskii klass, 2010, no. 23, pp. 21–27 (In Russian).

Лихачёв 1968 – Likhachëv D. *Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya* [The inner world of a work of art]. *Voprosy literatury*, 1968, no. 8, pp. 74–87. URL: http://www.psujournal.narod.ru/lib/lih_inworld.htm (data obrashcheniya: 15.03.2020) (In Russian).

Сухих 2013 – Sukhikh S.I. *Krizis osnovnykh literaturnykh potokov v russkoy literature 2-y poloviny 80–90-kh gg. XX veka* [The crisis of the main literary streams in Russian literature in the 2nd half of the 80s – 90s. XX century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, no. 6 (1), pp. 376–382 (In Russian).

(Articles from newspapers)

Бутакова 2012 – Butakova YU. *Ushël otryad Leonida Borodina*. URL: <https://www.proza.ru/2012/10/29/1285> (data obrashcheniya: 28.02.2018) (In Russian).

Комягин 2016 – Komyagin YU. *Kak na zashchitu Vasilya Bykova stali partizany Iv'yevshchiny* [How the guerrillas of Iyevshchina stood up to protect Vasil Bykov]. *Ivyenews*. 27.09.2016. URL: <http://ivyenews.by/novosti/obshchestvo/item/424-kak-na-zashchitu-vasilya-bykova-stali-partizany-ivevshchiny.html> (data obrashcheniya: 18.03.2020) (In Russian).

Корина 2016 – Korina L. *Vspominaya Leonida Borodina* [Remembering Leonid Borodin]. URL: <https://www.proza.ru/2016/12/04/1259> (data obrashcheniya: 08.03.2020) (In Russian).

Крипатова 2016 – Kripatova YU. *Luzhskiy rayon v gody okkupatsii* [Luga district during the years of occupation]. *Vyborg*. 06.04.2016. URL: <https://gazetavyborg.ru/news/luzhskiy-rayon--v-gody-okkupatsii/> (data obrashcheniya: 13.03.2020) (In Russian).

Курбатов 2005 – Kurbatov V. *Tret'ya Pravda* [Third truth]. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/5/ku13.html> (data obrashcheniya: 28.02.2018) (In Russian).

Сенчин 2019 – Senchin R. *Chelovek vnutri voyny* [The man inside the war] *Izvestiya iz.ru*. 19.06.2019. URL: <https://iz.ru/889735/roman-senchin/chelovek-vnutri-voiny> (data obrashcheniya: 09.03.2020) (In Russian).

(Dictionaries and encyclopedias)

Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy / Gl. red. i sostavitel' A.N. Nikolyukin. M., 2003 (In Russian).

(Monographs)

Гегель 1971 – Gegel'. G.V.F. Estetika: V 4 tt. T. 3. M., 1971 (In Russian).

(Abstracts and dissertations)

Нестерова 2007 – Nesterova L.A. *Nravstvenno-filosofskiye iskaniya avtora i geroyev v proze Leonida Borodina* [Moral and philosophical searches of the author and heroes in the prose of Leonida Borodin]. PhD Theses. Saratov, 2007. URL: <https://refdb.ru/look/3307188.html> (data obrashcheniya: 15.03.2020) (In Russian).

Поступила в редакцию 14.08.2020